

Бедная Лиза (сборник)

Автор:

Николай Карамзин

Бедная Лиза (сборник)

Николай Михайлович Карамзин

Школьная библиотека (Детская литература)

В книгу вошли три повести великого русского писателя-историка Н. М. Карамзина, открывшего, по словам Белинского, новую эпоху русской литературы.

«Бедная Лиза» – это повесть о печальной участи крестьянской девушки, полюбившей дворянина. В повести «Наталья, боярская дочь» Карамзин воссоздает картины жизни допетровской Руси. Историческая повесть «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода» рассказывает об одном из самых драматических эпизодов истории вольного русского города Новгорода – присоединении его к Московскому княжеству.

Для старшего школьного возраста.

Николай Михайлович Карамзин

Бедная Лиза

© Горелик Л. Л., вступительная статья, 2002

© Третьяков В. Н., рисунки, 2002

* * *

Жизнестроитель

...В тебе есть цельность.

Все выстрадав, ты сам не пострадал.

Ты сносишь все, и равно благодарен

Судьбе за гнев и милости. Блажен,

В ком кровь и ум такого же состава.

Он не рожок под пальцами судьбы,

Чтоб петь, смотря какой откроют клапан.

В. Шекспир. Гамлет. Пер. Б. Пастернака

I

В конце XVIII столетия в России ведущим литературным направлением стал сентиментализм. Как и классицизм, это направление сначала получило развитие в странах Европы. Произведения западноевропейских писателей-сентименталистов быстро завоевывали популярность в России. «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» и «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» Стерна, «Новая Элоиза» Руссо, «Страдания юного Вертера» Гёте уже вскоре после их появления на родном языке хорошо знали все образованные

россияне. Были переведены на русский язык и менее известные произведения западноевропейских сентименталистов.

Классицизм – литературное направление, предшествовавшее сентиментализму (к нему в России принадлежали Ломоносов, Сумароков, Державин), – превыше всего ставил интересы государства. В произведениях классицизма обычно изображались цари, вельможи, полководцы. Только люди, выполняющие важную государственную миссию, считались достойными изображения. В противовес классицизму сентиментализм начал проповедовать ценность отдельной, даже самой незаметной в масштабах государства, человеческой личности.

Основной идеей, утверждавшейся в произведениях классицизма, было требование подчиненности всех действий человека разуму. Ведь только разумность властителей может принести благо государству! Культу разума сентименталисты противопоставили культ чувства, внимание к оттенкам и тонкостям человеческих взаимоотношений, герою-дворянину – «внесловного» человека, человека вообще.

Сентиментализм провозгласил ценность любой человеческой личности независимо от принадлежности к высшему или низшему слою общества, ведь способность страдать и сочувствовать чужому страданию внесловна! А именно это качество – способность к сочувствию и острому восприятию окружающего мира – ценилось сентименталистами в человеке превыше всего. «Чувствительность» стала основным предметом изображения в их произведениях.

Элементы сентиментализма появились в русской литературе уже в конце 1760 – начале 1770-х годов. Но расцвет этого направления приходится на 1790-е годы, и связан он, прежде всего, с именем Николая Михайловича Карамзина – признанного главы и пропагандиста сентиментального направления в русской литературе.

В разные периоды своей жизни Н. М. Карамзин писал стихи и прозу, издавал журналы, альманахи, вел отдел в газете, был автором очерков и статей, проделал огромный труд как ученый-историк. Особенно высокую оценку последующих поколений получила его проза. Прозу Карамзина, например, выделял А. С. Пушкин, считая ее вершиной для литературы XVIII – первых десятилетий XIX века. Широко известно высказывание Пушкина: «Точность и краткость – вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей – без

них блестящие выражения ничему не служат. <...> Вопрос: чья проза лучшая в нашей литературе? Ответ – Карамзина. Это еще похвала небольшая...»

Вдумаемся: в 1822 году, когда писалась заметка «О прозе», откуда взяты эти слова, сам Пушкин оценивал прозу Карамзина как вершинную для русской литературы XVIII – начала XIX века! Пушкин еще только намечал тот прорыв в прозе, который будет им совершен, и вот в преддверии этого прорыва он видел именно в Карамзине своего великого предшественника.

Упоминание о смысловой насыщенности как важнейшем свойстве хорошей прозы («она требует мыслей и мыслей») рядом с именем Карамзина также имеет свою подоплеку. Великий прозорливец Пушкин, видимо, лучше представлял глубину карамзинских повестей, чем большинство его современников.

Необыкновенно высокую оценку Пушкин дал и трудам Карамзина-историка, определив в автобиографических заметках «Историю государства Российского» как «не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека». Какая похвала может быть выше для историка!

Теперь со времени, когда Карамзин написал свои повести, прошло более двухсот лет. Его прозу, как и его «Историю государства Российского», до сих пор охотно читают. Более того, лишь теперь начинает обнаруживаться вся глубина этой замечательной прозы. В конце XX века появился ряд книг и статей, открывающих новые неожиданные грани в значительно опередивших свое время произведениях Н. М. Карамзина. Попытаемся приблизиться, насколько это возможно, к пониманию личности этого незаурядного человека и его обогнавшего время творчества.

II

Род провинциальных дворян Карамзиных пошел от татарского князька Кара-Мурзы. Отец писателя служил в полевом батальоне, за что получил поместье в Симбирской губернии. Здесь 1 декабря 1766 года у немолодого уже капитана в отставке родился сын – Николай Михайлович Карамзин.

Трех лет будущий писатель лишился матери. За ребенком приглядывали нянюшки и дядьки. Первоначальной грамоте его обучал, как тогда было принято, сельский дьячок. Мир небогатого провинциального русского дворянства, в котором вырос Карамзин, был связан с национальными традициями и одновременно не чуждался европейской культуры. Когда мальчику исполнилось восемь лет, семейный врач Карамзиных, немец, начал заниматься с ним немецким языком; был у ребенка и француз-гувернер. После смерти матери в доме осталось много книг – преимущественно нравоучительные романы. Заметив интерес мальчика к чтению, отец отдал ему ключ от шкафа, в котором хранились книги. Карамзин прочитал десятки романов быстро, в одно лето. Читал с увлечением и «Древнюю историю Ш. Роллена» в десяти томах, переведенную на русский язык В. К. Тредиаковским.

В четырнадцатилетнем возрасте подростка отвезли в Москву и определили в частный пансион доктора философии профессора Шадена. Это было одно из лучших учебных заведений того времени.

Пансион давал хорошее гуманитарное образование, главное место в нем занимали древние и новые языки. В период пребывания в пансионе Карамзин слушал лекции в университете. По-прежнему он много читал – не только по-русски, но и на немецком, французском, английском языках.

Наставник рекомендовал способному юноше продолжить образование в Лейпцигском университете. Карамзин и сам хотел учиться. Тем не менее, следуя настоятельной рекомендации отца, в восемнадцать лет будущий писатель поступил на военную службу. Он служил в Петербурге, в одном из лучших гвардейских полков – Преображенском. При этом, как и прежде, литература интересовала молодого офицера значительно более, чем военная карьера. Блеск екатерининского Петербурга также не привлекал его. Прослужив немногим более года, Карамзин оставил военную службу в чине поручика и уехал в родной Симбирск.

В симбирском обществе девятнадцатилетний Карамзин явился как любезный кавалер. Он был светский человек, прекрасно воспитанный и одетый всегда по последней моде. Симбирское высшее общество ценило в нем приятного, легкого собеседника и ловкого танцора на балах. Однако за обликом светского щеголя скрывалась личность глубокая, человек с напряженной духовной жизнью – мыслящий и начитанный.

На эту сокрытую от светских знакомых сторону личности Карамзина обратил внимание приехавший в Симбирск из Москвы писатель и переводчик Иван Петрович Тургенев – друг и соратник известного русского просветителя, издателя книг и журналиста Николая Ивановича Новикова.

Встреча с И. П. Тургеневым стала поворотной в судьбе Карамзина. И. П. Тургенев был энтузиастом просвещения. Беседы с этим замечательным человеком помогли будущему писателю переменить образ жизни и все ее содержание. Карамзин переезжает в Москву. Он сводит знакомство с главой русских просветителей Н. И. Новиковым и вступает в его «Типографическое общество», ставящее целью издание книг и просвещение. Организационный талант Новикова проявлялся, в частности, в том, что он мог быстро и точно определить, к какому делу имеет наибольшую склонность его собеседник. В приехавшем из Симбирска молодом человеке Новиков угадал писателя и журналиста. По его поручению Карамзин много переводит, а с 1785 года вместе со своим другом Александром Андреевичем Петровым начинает редактировать первый в России журнал для подростков – «Детское чтение для сердца и разума».

Выпускник Московского университета А. А. Петров был шестью годами старше Карамзина. Он занимался художественным переводом, увлекался философией, литературой. Его письма к Карамзину свидетельствуют о писательском таланте. Иронический стиль писем А. А. Петрова, его склонность к самоанализу, внимание к душевному миру собеседника оказали влияние на художественное творчество Карамзина.

В пору работы в новиковском «Детском чтении» Карамзин много пишет. Он публикует в журнале не только переводы, но и собственную прозу и стихи. В этот период закладываются основы его художественного стиля.

Четыре проведенные в Москве года были благотворными для Карамзина. Он много читал, увлекся философией и даже вел активную переписку со швейцарским философом Лафатером.

В кружке Новикова царил атмосфера высокой морали. Люди, объединившиеся в «Типографическое общество», отрицали любое насилие; политическую борьбу они заменили моральным воспитанием. Цель жизни видели в просвещении общества. Карамзин находился в окружении образованных и мыслящих людей, имел возможность учиться у них. Но он хотел развиваться дальше, стремился обрести самостоятельность и идти своим путем. И весной 1789 года начинающий

писатель совершает неожиданный даже для ближайших его друзей поступок: на последние оставшиеся от продажи наследственного имения деньги он отправляется в длительное путешествие по Европе.

III

За границей Карамзин пробыл восемнадцать месяцев, посетив Германию, Швейцарию, Францию и Англию. По возвращении он опубликовал свои заграничные впечатления в «Письмах русского путешественника». Однако не следует смешивать повествователя из «Писем русского путешественника» с реальным автором. Карамзин отличался от созданного им образа путешественника большей духовной и умственной зрелостью. Он не только чутко впитывал впечатления, но трезво и аналитически воспринимал увиденное в Европе. Эти полтора года не были потрачены впустую. Карамзин вел беседы с крупнейшими европейскими философами, с видными учеными и политиками. Он наблюдал жизнь людей в разных уголках Европы.

Так совпало, что русский путешественник стал свидетелем событий в охваченной пламенем революции Франции. Сама История возникла перед двадцатитрехлетним юношей. «Его призвали всеблагие как собеседника на пир» (Ф. И. Тютчев). Летом 1790 года Карамзин посещал Национальное собрание, слушал там речи Мирабо и Робеспьера. Последний особенно сумел привлечь его, но не как революционный деятель, а как человек. В Робеспьере – близоруком, с тихим голосом, нередко вызывающем насмешки слушателей, но всегда честном – будущего писателя, умевшего чутко уловить душу оратора, поразило необычное для политика отсутствие личных амбиций и верность своим убеждениям. Когда позже (уже в России) Карамзин узнал о казни Робеспьера, он заплакал. Опыт Французской революции, свидетелем которой стал писатель, не мог не сказаться на его понятиях о путях исторического прогресса. Карамзин ужаснулся крови, которую способен пролить «народ, ставший во Франции страшнейшим деспотом», и навсегда преклонился перед идеями сострадания и эволюционного, просветительского, движения к прогрессу.

Из путешествия Карамзин вернулся вполне сложившимся человеком, твердо знающим, что его путь – путь писателя и журналиста. Он был уверен, что искусство более всего другого способно возвысить души людей. Он надеялся

стать полезным России, воспитывая на этом поприще нравы и распространяя добро.

IV

Осенью 1790 года, едва возвратившись в Москву, Карамзин деятельно приступил к работе издателя. Первый номер объявленного им сразу же по приезде журнала вышел в январе 1791 года. Свое детище Карамзин назвал «Московский журнал». Выходил этот журнал в течение двух лет и пользовался немалой популярностью.

В журнале публиковались Г. Р. Державин, И. И. Дмитриев, М. М. Херасков. Много писал для своего журнала и сам издатель – повести, очерки, стихотворения... Главы «Писем русского путешественника» регулярно печатались на страницах «Московского журнала». В 1792 году там же появляется повесть «Бедная Лиза» – произведение, которому выпала судьба навсегда остаться начертанным на знамени русского сентиментализма. Повесть была принята современниками с восторгом. Среди московской молодежи стали модны прогулки к Симонову монастырю. Пруд, в котором утопилась героиня повести, получил название «Лизин пруд».

История любви крестьянки Лизы и московского дворянина Эраста, закончившаяся гибелью бедной девушки и искренним, но слишком поздним раскаянием легкомысленного молодого человека, потрясла души современников.

Все в этом сюжете трогало и умиляло. И глубокая неподдельность чувств героев, и увлекательная история развития их любви, и картины подмосковной природы, описанные так достоверно, что читатели пытались найти и находили места свиданий Лизы и Эраста. И умудренный жизнью повествователь, глубоко страдающий за героиню, но – увы! – опоздавший ей помочь. Ведь историю Лизы ему рассказал сам нечаянный и полный скорби убийца девушки, Эраст, через тридцать лет после случившегося несчастья. О, как много слез пролили молодые люди 90-х годов XVIII столетия, представляя постаревшего Эраста, погруженного в неизбывную свою печаль возле Лизиного пруда! Но всех трогательнее, конечно, была сама Лиза, так полно умевшая отдать себя чувству, прелестная в своей юной непосредственности крестьянская девушка.

В эпоху реализма (в XIX и XX вв.) исследователи, как правило, обращали внимание на «несоответствие жизненным реалиям» в повести. Крестьянки (Лиза и ее мать) произносят сложные, не лишенные философичности речи. Да и Лизин заработок от продажи цветов и вязанья (на который, как показано в повести, живут Лиза с матерью), очевидно, не мог обеспечить материально. Но писатель-сентименталист показывает жизнь, не слишком ориентируясь на реалии. Его цель – добиться сострадания. Произведение Карамзина, может быть впервые в русской литературе, заставило читателя сердцем почувствовать трагизм жизни.

Только в конце XX века стало ясно, что прозрачная на первый взгляд повесть Карамзина содержит в себе множество противоречий. Основываются они на более сложной, чем это было принято в современной Карамзину литературе, психологической разработанности персонажей и на умелом использовании сюжетных отступлений.

Сюжет о девушке, полюбившей «неровню», не был новым, он встречался в русской литературе и раньше. Еще более он распространился после появления «Бедной Лизы». Но только повести Карамзина суждено было пережить свой век. Причина в том, что, как любое великое произведение, она выходит за рамки вызвавшего ее к жизни литературного направления. К моменту появления «Бедной Лизы» западноевропейский сентиментализм, задав множество вопросов, на которые не смог ответить, уже изживал себя. Превосходно ориентировавшийся в европейской культуре Карамзин тонко чувствовал неоднозначность поставленных этим направлением проблем.

Уже современники увидели новизну героя «Бедной Лизы» – Эраста. Карамзин создал образ, непривычный для литературы XVIII века, даже в 1790-е годы все еще соблюдавшей принцип деления персонажей на положительных и отрицательных. Вопреки этому принципу погубивший Лизу молодой дворянин не является злодеем. Легкомысленный, но мечтательный и искренний юноша не обманывает Лизу: поначалу он всерьез увлечен наивной крестьянкой. При этом чувства Эраста поддерживаются и даже находят оправдание в современной ему литературе – в сентиментальных, читанных им романах.

Эти почерпнутые из книг представления Эраста повествователь описывает с иронией: «Он читывал романы... и часто переселялся мысленно в те времена (бывшие или не бывшие), в которые, если верить стихотворцам, все люди беспечно гуляли по лугам, купались в чистых источниках, целовались, как

горлицы, отдыхали под розами и миртами и в счастливой праздности все дни свои проводили». Описанные здесь представления отчетливее всего воплотились в произведениях французского мыслителя и писателя-сентименталиста Жан Жака Руссо (1712–1778). В конце XVIII века была популярна его теория о том, что в древние времена, когда не было городской цивилизации, люди жили счастливее, так как были близки к природе, или, как тогда говорили, к натуре. «Натура призывает меня в свои объятия, к чистым своим радостям», – решает Эраст, встретив Лизу. Не задумываясь о будущем, он полагает, что они смогут жить «неразлучно, в деревне и в дремучих лесах, как в раю».

Жизнь оказывается сложнее, она не соответствует почерпнутым из романов представлениям. Социальное неравенство героев и естественная сложность человеческой души становятся препятствиями для Лизиного счастья. С необычной для его времени психологической тонкостью Карамзин показывает, как по мере развития отношений Лиза перестает быть для Эраста «ангелом непорочности». Любовь молодого дворянина к крестьянке теряет свою чистоту и своеобразие. Он уже не может «гордиться» своим чувством к юной поселянке. Женитьба Эраста на богатой вдове – результат не только социального неравенства героев, но и следствие перемен в душе Эраста – охлаждения молодого человека к Лизе.

Другой важный момент сюжета – история матери Лизы. Знаменитой фразой «и крестьянки любить умеют!» рассказчик характеризует именно Лизину мать. Чувство ее – способность любить – столь же сильно, как Лизино. После смерти мужа «добрая старушка» уже в течение двух лет «плачет почти беспрестанно». Живет же она только потому, что не хочет оставить дочь. Забота о дочери, долг перед ней, нравственное чувство по отношению к Лизе оказываются сильнее собственного горя для ее матери.

Поначалу аналогичным образом воспринимает мир и Лиза. Долг перед матерью останавливает ее от того, чтобы последовать за Эрастом на войну. Однако, пережив разрыв с Эрастом, такой ужасный, неожиданный и унижительный, Лиза настолько потрясена, что забывает нравственное чувство по отношению к матери. Девушка повторяет поступок Эраста, вручившего ей взамен своей любви сто рублей. Лиза, откупаясь от материнской любви, передает ей взамен себя десять импералов, чем также убивает ее.

В повести Карамзина наиболее тонким и глубоким пониманием жизни обладает не Лиза и даже не ее мать (обе они наивны и доверчивы – например, в отношении к Эрасту). Мать Лизы не может даже заподозрить ничего дурного для дочери в частых посещениях городского барина и всякий раз искренне радуется его приходу. Таким же глубоким пониманием жизни обладает и мудрый, постигший и цивилизацию, и природу повествователь. Рассказчик услышал от Эраста трагическую историю Лизы спустя тридцать лет после гибели девушки. Он не имел возможности предостеречь героев от непродуманных поступков. Тем не менее в момент наиболее драматичных событий повествования он вставляет свои укоризны, которые, возможно, остановили бы героев, будь они произнесены в момент события: «Ах, Лиза, Лиза! Где ангел-хранитель твой? Где – твоя невинность?» Или: «Безрассудный молодой человек! Знаешь ли ты свое сердце? Всегда ли можешь отвечать за свои движения? Всегда ли рассудок есть царь чувств твоих?»

Чувствительный и познавший мир повествователь понимает заблуждения героев, но не в состоянии им помочь. Проливая «слезы нежной скорби», карамзинский рассказчик искренне сочувствует людям в их заблуждениях и не верит в возможность рая на земле. Трогательное сочувствие рассказчика, его желание помочь и подсказать героям передается читателю. Карамзин таким образом воспитывает читателя, учит его «чувствительности», дает ему в лице повествователя образец правильного восприятия сюжетных событий. Наличие повествователя – характерная деталь литературы сентиментальной.

Истории Лизы повествователь предпосылает вступление, в котором изображает Симонов монастырь. Однако, изобразив открывающиеся с монастырского холма окрестности, автор мало внимания уделил внешнему виду самого монастыря. В центре внимания рассказчика – «стон времени», то есть историческое прошлое монастыря и, более того, «история нашего отечества».

Хижина Лизы и ее матери расположена в семидесяти сажнях от Симонова монастыря (примерно в двухстах метрах). После вступления об историческом прошлом нашего отечества автор переходит к непритязательной истории крестьянской девушки, произошедшей совсем недавно. Закончив рассуждать о «несчастной Москве, как беззащитной вдовице», ожидающей помощи «в лютых своих бедствиях» от одного Бога, он приступает к рассказу о Лизе, также несчастной и беззащитной. Историческое и современное (более того, частное – относящееся к одному определенному и незначительному в масштабах государства лицу) получает общий признак, выраженный сходными по значению

эпитетами: «бедная», «несчастливая». Судьба бедной девушки разворачивается на фоне исполненной драматизма истории России.

Маленькая повесть Карамзина философична. Автор оспаривает предположение французского философа Руссо об идиллическом прошлом человечества. История человечества вся построена на драматических коллизиях, и раньше люди не были счастливее, чем теперь, – утверждает повествователь. С иронией возвращается он к заблуждению на этот счет «стихотворцев» в середине повести, описывая представления Эраста. Неразумное и легкомысленное следование Эраста прочитанному в книгах ведет его к безнравственному поступку и вине в гибели другого человека.

Но, как показывает пример Лизы, следование даже самым чистым природным побуждениям не делает человека ни счастливым, ни нравственно совершенным. Прекрасная природа украшает жизнь, но не несет в себе нравственных начал. Близость к природе не может помочь Лизе в ее испытаниях. Прелесть природы неотделима для Лизы от прелести любви. В некоторых эпизодах красота природы, являющейся фоном Лизиной любви, заставляет ее полнее отдаться чувству и тем самым подталкивает к гибели («Мрак вечера питал желанья»).

Носителем нравственного совершенства и образцом для читательского подражания в повести Карамзина является чувствительный повествователь – горячо сочувствующий своим героям и прощающий их человеческие слабости.

Надо ли говорить, что в читательском сознании сентиментальный рассказчик соединился с реальным автором, и Карамзин приобрел прозвище Ахалкин.

V

Через два месяца после «Бедной Лизы» в том же «Московском журнале» появилась новая повесть Карамзина – «Наталья, боярская дочь». События, происходящие с ее героиней, представляют зеркальное отражение «Бедной Лизы». Отнесение событий в далекое прошлое оправдывает откровенную сказочность концовки и позволяет расцветить изображение подробностями из старинного русского быта. Героиня нового произведения, дочь близкого к царю боярина Матвея, умеет любить так же самоотверженно, как крестьянка Лиза,

однако любовь ее преодолевает многочисленные препятствия и завершается счастливо.

Перенеся действие повести в далекое историческое прошлое России, автор, однако, не претендует на историзм. Во вступлении повествователь просит излишне доверчивого читателя ни в коем случае не принимать всерьез его произведения. Он говорит, что повесть свою слышал «в области теней, в царстве воображения, от бабушки моего дедушки». Он называет ее «небылицей на живых и мертвых», «сказкой», за которую «прабабушка» (читай – русская история) может даже и наказать. Повествователь ироничен во всем, что касается правдивости его повести. В остальном же он внимательный и вдумчивый психолог, откровенно любующийся русской стариной, о которой рассказывает. При этом Карамзин не скрывает, что старина в его повести – более стилизация, нежели подлинная история.

События повести отнесены в далекое прошлое, но какой это период, не указано. Автор изображает мир почти сказочный. Если и встречаются в его повести недобросовестные люди («падкая на серебро» няня Натальи или злой боярин, оклеветавший отца Алексея Любославского), то и они раскаиваются в своих поступках и даже при возможности стараются исправить содеянное. Самые рискованные действия, самые драматические повороты судьбы, как это бывает в сказках, не только сходят героям с рук, но и в конце концов приводят их к полному благоденствию. Наталья совершает все то, на что не решилась Лиза, героиня предыдущей повести Карамзина. Она не только оставляет любящего отца, но и, переодевшись мальчиком, отправляется на войну вместе с Алексеем.

Главная прелесть повести состоит в том, что откровенно и даже подчеркнуто не соответствующий жизненным реалиям сюжет сочетается с редкой для литературы XVIII века психологической правдивостью. Тонко и убедительно рисует автор первую девичью влюбленность. Критики да и просто читатели отмечали, что описание чувств Натальи при первой встрече с Алексеем в церкви удивительно напоминает пушкинское описание возникновения любви в сердце Татьяны. Привлекали современников и изящные зарисовки старинного русского быта, которыми автор расцвел свое произведение.

Новая повесть также имела успех. В двадцать пять лет Карамзин сделался признанным авторитетом в литературе, которому поклонялась молодежь.

Это были последние годы правления Екатерины II. «Конец ее царствования был отвратителен», – запишет в дневнике А. С. Пушкин сорок лет спустя. Напуганная французской революцией, императрица обратилась к реакции, государственная власть усиливала репрессии. Провозвестницей новых отношений литературы с властью стала драма, разыгранная вокруг «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева (как известно, она закончилась ссылкой автора в Илим). В 1792 году был арестован один из первых наставников Карамзина – Н. И. Новиков. Этот крупный журналист и издатель не выступал открыто против государства, но и отнюдь не заискивал перед ним; в своей просветительской деятельности он демонстративно обходился без помощи власти. Екатерину пугала независимость Н. И. Новикова в сочетании с его незаурядными организаторскими способностями.

Положение Карамзина также не было прочным: императрица, всегда интересовавшаяся литературой, относилась к молодому и талантливому автору подозрительно, обходила молчанием его популярный в среде передового дворянства журнал. Выступить в защиту Новикова, тем самым напоминая власти о давней дружбе с этим опальным узником, в сложившихся условиях было опасно. С другой стороны, отношения Карамзина с Новиковым к этому времени уже давно прекратились. Многие из того, что составляло основу мировоззрения Н. И. Новикова и его друзей (мистицизм и некоторая доля политизированности), отвергалось Карамзиным еще в пору ученичества. После возвращения писателя из заграничного путешествия расхождения усилились.

В таких обстоятельствах, пожалуй, никто не осудил бы молодого писателя, если бы он промолчал, никак не откликнувшись на арест Новикова. Но соображения чести, право на независимость оценок и поведения были для Карамзина выше благоразумия. Подвергая опасности свою судьбу, писатель демонстрирует личную независимость от власти и вступает за бывшего наставника. Он пишет и публикует в «Московском журнале» оду «К милости» в защиту Н. И. Новикова и его друзей. Императрица не откликнулась на призыв Карамзина. Н. И. Новиков был приговорен к заключению в крепости на пятнадцать лет.

В период реакции занятие литературой становится не только трудным, но и опасным делом. Карамзин прекращает издание журнала. С лета 1793 года он большую часть года живет в поместье своих друзей Плещеевых и продолжает

не только писать, но и издавать книги. Об отношении писателя к друзьям говорит такой факт. Когда Алексей Александрович Плещеев запутался в долгах, Карамзин продал все свое состояние за 16 тысяч рублей, передал деньги другу и никогда об этом не вспоминал.

Карамзин первый в России открыто сделал литературу основной (и единственной) профессией, она позволяла ему находить средства к существованию. Издаваемые им в «деревенский» период альманахи пользовались не меньшим успехом, чем в свое время имел «Московский журнал». По словам Г. А. Гуковского, «Карамзину удалось расширить круг читателей хорошей книги в России».

Конец 1790-х годов был тяжелым для сельского отшельника. Атмосфера в стране сгущалась: царствование Павла не принесло ожидаемого облегчения. Поддерживавшая Карамзина вера в прогресс и благотворительную роль просвещения дрогнула, колеблемая ветром с парижских эшафотов. В 1793 году писатель пережил смерть друга юности – А. А. Петрова. В конце 1790-х годов он сам тяжело болел, чувствовал себя одиноким и думал о смерти.

VII

Наступило новое столетие. Обстоятельства изменились. В 1801 году на престоле оказывается внук Екатерины Александр I. Начало его правления связано с развитием либеральных отношений. Карамзин объявляет об издании нового журнала. Теперь (по сравнению с «Московским журналом») замыслы издателя расширились. «Вестник Европы» – таково название нового периодического издания Карамзина – не только литературно-художественный, но и общественно-политический журнал. Он на двести лет вперед определил облик «толстого» журнала, объединив под одной обложкой художественные произведения и статьи на общественно-политические темы. Оригинальность журнала заключалась и в большом количестве переводов из западноевропейской периодики. Собственные произведения – статьи, очерки, рецензии, художественную прозу и поэзию – Карамзин также регулярно печатал в журнале. Среди других его публикаций – историческая повесть «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода».

В повести «Наталья, боярская дочь» сам повествователь не раз подчеркивал всякое отсутствие претензий на какой-либо историзм. Вступление «Марфе-посаднице...» написано от лица издателя, публикующего подлинную старинную рукопись. Принявший роль издателя автор утверждает, что публикуемая им повесть якобы создана неким знатным новгородцем, свидетелем событий. Стиль повествования имитирует стиль летописей. Это сдержанный рассказ о событиях, почти их перечисление. Лишь изредка позволяет себе «летописец» выразить свое отношение к ним, проявить эмоции.

Между тем повесть «Марфа-посадница...» обладает всеми признаками художественного произведения, а отнюдь не исторического повествования. Сюжет повести не вполне соответствует исторической правде. Во-первых, известно, что реальная Марфа Борецкая вступила в сговор с польским королем Казимиром, заключив с ним тайный договор о присоединении Новгорода к Польше. В произведении же Карамзина помыслы героини чисты, она с негодованием отвергает предложение польского короля. Марфа отстаивает не интересы той или иной политической группы и тем более не свои корыстные интересы, но борется за свободу Новгорода. Во-вторых, автор заостряет сюжет: историческая Марфа Борецкая была сослана в монастырь, а не казнена. Кроме того, Карамзин несколько упростил расстановку политических сил и сам процесс присоединения Новгорода к Московскому государству. Это было необходимо, чтобы придать сюжету динамичность. В повести действуют как исторические, так и выдуманные автором лица.

Драматическая коллизия, сложившаяся в историческом прошлом нашей Родины, давала возможность поставить всегда занимавший Карамзина вопрос о том, что же лучше – монархия или республика? – и не решать его. В повести утверждается историческая правота Иоанна Третьего, присоединившего Новгород к Московии. Но одновременно в повествовании, написанном от лица «знатного новгородца», звучит неподдельное восхищение новгородской вольницей и сильной, страстной ее героиней.

Возможно, впечатления от революционного Парижа, от пламенных речей Робеспьера и его негибавшей личности также отразились в этом произведении Карамзина. Автор придал своей героине черты идеальной республиканки, вначале поддержанной, а потом преданной народом.

Марфа, вдова посадника Исаака Борецкого, совершает свой подвиг ради любви. Любовь к умершему мужу заставляет прежде покорную, занятую женскими

заботами и делами женщину заменить его на общественном поприще и достойно продолжать борьбу. Любовь к мужу перерастает в страсть к свободе. И ради своей страсти Марфа жертвует не только собой, но и своими детьми.

Обе стороны – требующая подчинения новгородцев Московия и самоотверженно отстаивающие свою независимость новгородцы – имеют свои права в развернувшейся борьбе.

Благородный Иоанн Третий отечески принимает правление от побежденных новгородцев. Он готов простить и Марфу, но оставленная народом гордая республиканка сама требует себе казни, отстаивая перед лицом Иоанновым свою непримиримость.

Загадочен образ вождя новгородцев – Мирослава. В повести есть намек на то, что тайна рождения Мирослава, возможно, известна Иоанну. Юноша вызывает острый и сочувственный интерес царя. Во время битвы царь пытается защитить вождя противника от собственного оруженосца: «...государь щитом своим отразил меч оруженосца, хотевшего умертвить Мирослава...» Войдя в Новгород, Иоанн первым делом просит привести его к могиле храброго витязя и горюет над ней. «Тайна Иоаннова благоволения к юноше», на которую намекает, но не раскрывает автор, особенным светом озаряет события повести.

Особая тема связана и с дочерью Марфы. Юная Ксения послушна и трогательна. У нее нет своих мнений, она не успела воспитать в себе иные привязанности, кроме привязанности к матери. Безропотно выполняет девушка все желания Марфы, разделяет все ее дела и заблуждения. С неизменно обращенной к матери любящей улыбкой она идет вместе с ней на эшафот. Гибель нежной Ксении, ее незаслуженные страдания вызывают глубокое сочувствие читателя.

На чьей же стороне автор? С восхищением и скорбью наблюдает он за событиями повести, однако четко не определяет своих предпочтений. Карамзин рисует перед читателем откровенно идеализированный образ республиканки. За Марфой ли правда – решать эту проблему автор оставляет читателю. Свободолюбивое прямодушие и стойкость героини достойны уважения, однако упрямая твердость ее воли, несгибаемое и не учитывающее обстоятельств упорство ведет к гибели Марфу, ее детей, Мирослава, других горожан.

Свобода и республика – очень красивые слова, утверждает автор своим произведением, но пока это, к сожалению, нереально и противоречит историческим потребностям общества. И гордая Марфа смело восходит на эшафот, оставив у его подножия труп дочери.

VIII

Успех «Вестника Европы» превзошел все ожидания. Карамзину удалось привлечь к своему изданию не только столичных читателей, но и жителей провинции. Число подписчиков достигло невероятной по тем временам цифры – 1200 человек. Успех журнала радовал издателя еще и тем, что принес материальное благополучие его семье. В апреле 1801 года тридцатипятилетний Карамзин женился на родственнице своих друзей Плещеевых, которую он знал с детства, – Елизавете Протасовой. Он всерьез задумывался о том, что, сохраняя и увеличивая подписку, за пять лет выпуска «Вестника Европы» сможет обеспечить семью на несколько лет вперед, а затем оставить журнал, но не для того, чтобы почивать на лаврах. Еще с конца 1790-х годов зреет в сознании писателя мысль о новой большой работе – создании истории Российского государства.

Судьба распорядилась сама. Брак с Елизаветой Протасовой был счастливым, но недолгим. Через год после свадьбы жена Карамзина умерла, оставив ему новорожденную дочь Софью. Современник пишет: «С бледным лицом, открытой головой, шел он около пятнадцати верст до Донского монастыря подле печальной колесницы, положив руку на гробницу, сам опускал ее в могилу; бросил первую горсть земли. Друзья подошли к нему, предлагали ему место в карете. «Оставьте меня одного, – отвечал Карамзин, – приходите завтра. Присутствие ваше будет необходимо».

IX

Карамзин начинает новую жизнь. Для себя ему уже ничего не нужно, но он намерен реализовать давнишнюю, постепенно зреющую мечту о создании труда

по российской истории. Еще в «Письмах русского путешественника» Карамзин писал: «Больно, но должно по справедливости сказать, что у нас до сего времени нет хорошей российской истории, то есть писанной с философским умом, с критикою, с благородным красноречием». Другая причина высказана в личном письме: «Лизанька того хотела».

По совету давнего друга поэта И. И. Дмитриева он посылает в Министерство просвещения письмо – заявку на создание многотомного исторического труда. В октябре 1803 года получает звание историографа, дающее возможность заниматься в архивах, и небольшое жалованье (в три раза меньшее, чем доход, приносимый журналом).

В начале 1804 года Карамзин женится вторично. Его вторая жена, Екатерина Андреевна, по единодушному мнению биографов, «олицетворяла тот женский тип, который позднее вошел в сознание образом пушкинской Татьяны» (Е. И. Осетров). В ее лице он приобрел преданного и понимающего друга на всю жизнь.

Карамзин оставляет журнал. Огромный исторический труд, которому он отныне посвятил себя, требует полной самоотдачи. На вершине славы писатель начинает новый подвиг – подвиг ученого. «У нас никто не в состоянии исследовать огромное создание Карамзина, – зато никто не сказал спасибо человеку, уединившемуся в ученый кабинет во время самых лестных успехов и посвятившему целых 12 лет жизни безмолвным и неутомимым трудам», – писал Пушкин.

В этих же заметках Пушкин сравнивал труды Карамзина по истории России с подвигом Колумба. Таким сравнением он подчеркивал значение труда Карамзина, открывшего историческое прошлое русских подобно тому, как Колумб открыл для человечества новый материк. Однако книги по истории России писались в XVIII веке и до Карамзина, тема эта не была абсолютно новой. Известны, в частности, «История российская с самых древних времен» В. Н. Татищева (1686–1750) и «История российская от древнейших времен» М. М. Щербатова (1733–1790). В первой описываются события русской истории вплоть до XVI века, а во второй – до начала XVII века. В чем же тогда открытие Карамзина?

Немаловажно, что труд Карамзина был созданием выдающегося стилиста, блестяще усвоившего и развившего достижения своей эпохи в развитии

художественной речи. Его было легко и интересно читать. В 1818 году, когда вышли в свет первые восемь книг «Истории государства Российского», они были встречены публикой с необыкновенным энтузиазмом. Даже светские дамы, никогда ранее не обращавшиеся к ученым книгам, зачитывались историей своего отечества. Научный труд стал бестселлером!

При этом не только стилистические достоинства написанной выдающимся писателем истории родной страны привлекали читателя. Есть и другая причина. Будучи человеком, живущим напряженной духовной жизнью (без которой нет писателя), Карамзин, при несомненном и искреннем стремлении к полной объективности, не мог не вложить в написанное своей страсти, своего живого и современного отношения к историческим персонажам и событиям. Как пишет историк XX столетия Н. Я. Эйдельман: «Описывается конец древних свобод. Карамзин умом историческим, государственным о них не жалеет, но человечески, художественно не скрывает печали. Там, где десятки других ученых или публицистов высказали бы одно чувство – либо одобрение, либо неприятие, – он умеет представить сразу оба мотива». Страсть человека глубоко чувствующего, нравственная оценка сама собой открывается читателю карамзинской «Истории государства Российского» из объективно изложенных историком фактов. Сложность исторических обстоятельств, показанных всесторонне, влечет за собой неодноплановость исторической оценки. История предстает во всей неоднозначности ее событий.

Наконец, в-третьих, следует отметить, что при всех перечисленных выше литературных достоинствах произведению Карамзина свойственна безусловная научная доказательность. Автор вполне освоил методы исторического исследования. Терпеливо и скрупулезно в течение долгих затворнических лет он отыскивал новые факты, на которые и в наши дни опираются в своих трудах представители исторической науки.

Либеральной молодежи начала XIX века (к которой принадлежали, например, А. С. Пушкин и П. А. Вяземский) историческая концепция Карамзина представлялась слишком консервативной. «Республиканец в душе», как он неоднократно называл себя, Карамзин полагал, что для России его времени лучшим правлением является монархия, и защищал российское самодержавие в своем труде. Он не боялся прослыть консерватором в глазах «либералистов» так же, как во времена Екатерины не испугался громко сказать о своем отрицательном отношении к арестам инакомыслящих.

Карамзин всегда оставался верен себе, своему чувству чести. Девятый том, появившийся спустя три года, поразил даже «либералистов» яростным обличением злодеяний Ивана Грозного. Автор «Истории государства Российского» был сторонником просвещенной монархии, и деспот на троне не мог обрести в его лице равнодушного повествователя, а уж тем более защитника. Всего «граф Истории» (так однажды представил входящего историографа лакей) успел написать 12 томов, описав российскую историю до времени Смуты.

Х

С 1816 года Карамзин с семьей жил в Петербурге, на лето выезжая в Царское Село. Известно, что в последние годы он много общался с царем, который обыкновенно приглашал его на прогулки по царскосельскому парку. Уставшего от лести Александра I привлекала независимость суждений историографа и полное отсутствие каких бы то ни было личных просьб. В конце жизни Карамзин с горечью отмечал, что не стеснялся высказывать Александру самые смелые идеи, царь их внимательно выслушивал, но никогда им не следовал.

Карамзин не стремился приблизиться к царю. Личная независимость была для него важнее, чем награды и царское расположение. Подлинные ценности он находил в домашнем, семейном мире. Жена полностью разделяла его представления. Дети не только любили отца, но и глубоко уважали, учились у него. Быт Карамзина отличался стабильностью и внешне производил впечатление редкого на этой земле благополучия, хотя писатель не имел ни чинов, ни больших денег.

Однако часто пожилой историограф чувствовал себя одиноким. Кроме домашних, у Карамзина почти не было единомышленников. По вечерам в его царскосельском доме собиралась молодежь: А. С. Пушкин, П. А. Вяземский (он был сводным братом Екатерины Андреевны), В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков. Накрывался стол, Екатерина Андреевна разливала чай. Нередко при этом молодые люди горячо спорили с автором «Истории государства Российского», требуя от Карамзина большей политической радикальности. Непонимание этих искренних и честных юношей было болезненно для писателя. Вместе с тем молодые свободолюбцы тянулись к Карамзину, чувствуя его превосходство над

окружающими. В зрелые годы Пушкин часто вспоминал эти вечерние чаепития в доме Карамзиных. Карамзинский идеал личной независимости сделался идеалом позднего Пушкина.

Гроза грянула в декабре 1825 года. 14 декабря, услышав о восстании, Карамзин пошел к Сенатской площади в надежде уговорить бунтовщиков одуматься. «Видел ужасные лица, слышал ужасные слова, и камней 5–6 упало к ногам». Будучи решительным противником революционных действий, Карамзин безоговорочно осуждал декабрьское восстание. Тем не менее он просил Николая I о смягчении участи декабристов. Действия заговорщиков он рассматривал как очередной трагический эпизод русской истории.

В день восстания историограф сильно простудился, да и стресс сыграл свою роль. Последние месяцы жизни он почти не вставал с постели. Приводил в порядок дела, давал наказы Екатерине Андреевне. Скончался Карамзин 22 мая 1826 года.

Дивясь и подводя итог этой прекрасной жизни, писатель следующего поколения – Н. В. Гоголь заметит: «Карамзин представляет, точно, явление необыкновенное. Вот о ком из наших писателей можно сказать, что он весь исполнил долг, ничего не зарыл в землю и на данные ему пять талантов принес другие пять. Карамзин первый показал, что писатель может быть у нас независим. <...> Он это сказал и доказал».

Л. Л. Горелик

Бедная Лиза

Может быть, никто из живущих в Москве не знает так хорошо окрестностей города сего, как я, потому что никто чаще моего не бывает в поле, никто более моего не бродит пешком, без плана, без цели – куда глаза глядят – по лугам и рощам, по холмам и равнинам. Всякое лето нахожу новые приятные места или в старых новые красоты.

Но всего приятнее для меня то место, на котором возвышаются мрачные, готические башни Си...нова монастыря. Стоя на сей горе, видишь на правой стороне почти всю Москву, сию ужасную громаду домов и церквей, которая представляется глазам в образе величественного амфитеатра, – великолепная картина, особенно когда светит на нее солнце, когда вечерние лучи его пылают на бесчисленных золотых куполах, на бесчисленных крестах, к небу возносящихся! Внизу расстилаются тучные, густо-зеленые цветущие луга, а за ними, по желтым пескам, течет светлая река, волнуемая легкими веслами рыбацких лодок или шумящая под рулем грузных стругов, которые плывут от плодоноснейших стран Российской империи и наделяют алчную Москву хлебом.

На другой стороне реки видна дубовая роща, подле которой пасутся многочисленные стада; там молодые пастухи, сидя под тению деревьев, поют простые, унылые песни и сокращают тем летние дни, столь для них единообразные. Подальше, в густой зелени древних вязов, блистает златоглавый Данилов монастырь; еще далее, почти на краю горизонта, синеются Воробьевы горы. На левой же стороне видны обширные, хлебом покрытые поля, лесочки, три или четыре деревеньки и вдали село Коломенское с высоким дворцом своим.

Часто прихожу на сие место и почти всегда встречаю там весну; туда же прихожу и в мрачные дни осени горевать вместе с природою. Страшно воют ветры в стенах опустевшего монастыря, между гробов, заросших высокою травою, и в темных переходах келий. Там, опершись на развалины гробных камней, внимаю глухому стону времен, бездною минувшего поглощенных, – стону, от которого сердце мое содрогается и трепещет. Иногда вхожу в келии и представляю себе тех, которые в них жили, – печальные картины! Здесь вижу седого старца, преклонившего колена перед распятием и молящегося о скором разрешении земных оков своих, ибо все удовольствия исчезли для него в жизни, все чувства его умерли, кроме чувства болезни и слабости. Там юный монах – с

бледным лицом, с томным взором – смотрит в поле сквозь решетку окна, видит веселых птичек, свободно плавающих в море воздуха, видит – и проливает горькие слезы из глаз своих. Он томится, вянет, сохнет – и унылый звон колокола возвещает мне безвременную смерть его. Иногда на воротах храма рассматриваю изображение чудес, в сем монастыре случившихся, там рыбы падают с неба для насыщения жителей монастыря, осажденного многочисленными врагами; тут образ Богоматери обращает неприятелей в бегство. Все сие обновляет в моей памяти историю нашего отечества – печальную историю тех времен, когда свирепые татары и литовцы огнем и мечом опустошали окрестности российской столицы и когда несчастная Москва, как беззащитная вдовица, от одного Бога ожидала помощи в лютых своих бедствиях.

Но всего чаще привлекает меня к стенам Си...нова монастыря воспоминание о плачевной судьбе Лизы, бедной Лизы. Ах! Я люблю те предметы, которые трогают мое сердце и заставляют меня проливать слезы нежной скорби!

Саженьях в семидесяти от монастырской стены, подле березовой рожицы, среди зеленого луга, стоит пустая хижина, без дверей, без окончин, без полу; кровля давно сгнила и обвалилась. В этой хижине лет за тридцать перед сим жила прекрасная, любезная Лиза с старушкою, матерью своею.

Отец Лизин был довольно зажиточный поселянин, потому что он любил работу, пахал хорошо землю и вел всегда трезвую жизнь. Но скоро по смерти его жена и дочь обедняли. Ленивая рука наемника худо обрабатывала поле, и хлеб перестал хорошо родиться. Они принуждены были отдать свою землю внаем, и за весьма небольшие деньги. К тому же бедная вдова, почти беспрестанно проливая слезы о смерти мужа своего – ибо и крестьянки любить умеют! – день ото дня становилась слабее и совсем не могла работать. Одна Лиза, которая осталась после отца пятнадцати лет, – одна Лиза, не щадя своей нежной молодости, не щадя редкой красоты своей, трудилась день и ночь: ткала холсты, вязала чулки, весною рвала цветы, а летом брала ягоды – и продавала их в Москве. Чувствительная, добрая старушка, видя неутомимость дочери, часто прижимала ее к слабо бьющемуся сердцу, называла Божескою милостию, кормилицею, отрадою старости своей и молила Бога, чтобы Он наградил ее за все то, что она делает для матери.

«Бог дал мне руки, чтобы работать, – говорила Лиза. – Ты кормила меня своею грудью и ходила за мною, когда я была ребенком; теперь пришла моя очередь

ходить за тобою. Перестань только крушиться, перестань плакать; слезы наши не оживят батюшки».

Но часто нежная Лиза не могла удержать собственных слез своих. Ах! она помнила, что у нее был отец и что его не стало, но для успокоения матери старалась таить печаль сердца своего и казаться покойною и веселою.

«На том свете, любезная Лиза, – отвечала горестная старушка, – на том свете перестану я плакать. Там, сказывают, будут все веселы; я, верно, весела буду, когда увижу отца твоего. Только теперь не хочу умереть – что с тобою без меня будет? На кого тебя покинуть? Нет, дай Бог прежде пристроить тебя к месту! Может быть, скоро сыщется добрый человек. Тогда, благословя вас, милых детей моих, перекрещусь и спокойно лягу в сырую землю».

Прошло два года после смерти отца Лизина. Луга покрылись цветами, и Лиза пришла в Москву с ландышами. Молодой, хорошо одетый человек, приятного вида, встретился ей на улице. Она показала ему цветы – и покраснелась. «Ты продаешь их, девушка?» – спросил он с улыбкою. «Продаю», – отвечала она. «А что тебе надобно?» – «Пять копеек». – «Это слишком дешево. Вот тебе рубль». Лиза удивилась, осмелилась взглянуть на молодого человека, еще более покраснелась и, потупив глаза в землю, сказала ему, что она не возьмет рубля. «Для чего же?» – «Мне не надобно лишнего». – «Я думаю, что прекрасные ландыши, сорванные руками прекрасной девушки, стоят рубля. Когда же ты не берешь его, вот тебе пять копеек. Я хотел бы всегда покупать у тебя цветы; хотел бы, чтоб ты рвала их только для меня». Лиза отдала цветы, взяла пять копеек, поклонилась и хотела идти, но незнакомец остановил ее за руку. «Куда же ты пойдешь, девушка?» – «Домой». – «А где дом твой?» Лиза сказала, где она живет, сказала и пошла. Молодой человек не хотел удерживать ее, может быть, для того, что мимоходящие начали останавливаться и, смотря на них, коварно усмехаться.

Лиза, пришедши домой, рассказала матери, что с нею случилось. «Ты хорошо сделала, что не взяла рубля. Может быть, это был какой-нибудь дурной человек...» – «Ах нет, матушка! Я этого не думаю. У него такое доброе лицо,

такой голос...» – «Однако ж, Лиза, лучше кормиться трудами своими и ничего не брать даром. Ты еще не знаешь, друг мой, как злые люди могут обидеть бедную девушку! У меня всегда сердце бывает не на своем месте, когда ты ходишь в город; я всегда ставлю свечу перед образом и молю Господа Бога, чтобы Он сохранил тебя от всякой беды и напасти». У Лизы навернулись на глазах слезы; она поцеловала мать свою.

На другой день нарвала Лиза самых лучших ландышей и опять пошла с ними в город. Глаза ее тихонько чего-то искали.

Многие хотели у нее купить цветы, но она отвечала, что они непродажные, и смотрела то в ту, то в другую сторону. Наступил вечер, надлежало возвратиться домой, и цветы были брошены в Москву-реку. «Никто не владей вами!» – сказала Лиза, чувствуя какую-то грусть в сердце своем.

На другой день ввечеру сидела она под окном, пряла и тихим голосом пела жалобные песни, но вдруг вскочила и закричала: «Ах!..» Молодой незнакомец стоял под окном.

«Что с тобой сделалось?» – спросила испугавшаяся мать, которая подле нее сидела. «Ничего, матушка, – отвечала Лиза робким голосом, – я только его увидела». – «Кого?» – «Того господина, который купил у меня цветы». Старуха выглянула в окно.

Молодой человек поклонился ей так учтиво, с таким приятным видом, что она не могла подумать об нем ничего, кроме хорошего. «Здравствуй, добрая старушка! – сказал он. – Я очень устал; нет ли у тебя свежего молока?» Услужливая Лиза, не дождавшись ответа от матери своей, – может быть, для того, что она его знала наперед, – побежала на погреб, принесла чистую кринку, покрытую чистым деревянным кружком, схватила стакан, вымыла, вытерла его белым полотенцем, налила и подала в окно, но сама смотрела в землю. Незнакомец выпил – и нектар из рук Гебы не мог бы показаться ему вкуснее. Всякий догадается, что он после того благодарил Лизу, и благодарил не столько словами, сколько взорами.

Между тем добродушная старушка успела рассказать ему о своем горе и утешении: о смерти мужа и о милых свойствах дочери своей, об ее трудолюбии и нежности, и проч. и проч. Он слушал ее со вниманием, но глаза его были – нужно

ли сказывать где? И Лиза, робкая Лиза посматривала изредка на молодого человека; но не так скоро молния блеснит и в облаке исчезает, как быстро голубые глаза ее обращались к земле, встречаясь с его взором. «Мне хотелось бы, – сказал он матери, – чтобы дочь твоя никому, кроме меня, не продавала своей работы. Таким образом, ей незачем будет часто ходить в город, и ты не принуждена будешь с нею расставаться. Я сам по временам могу заходить к вам». Тут в глазах Лизиных блеснула радость, которую она тщетно сокрыть хотела; щеки ее пылали, как заря в ясный летний вечер; она смотрела на левый рукав свой и щипала его правой рукою. Старушка с охотою приняла сие предложение, не подозревая в нем никакого худого намерения, и уверяла незнакомца, что полотно, вытканное Лизой, и чулки, вывязанные Лизой, бывают отменно хороши и носятся долее всяких других.

Становилось темно, и молодой человек хотел уже идти. «Да как же нам называть тебя, добрый, ласковый барин?» – спросила старуха. «Меня зовут Эрастом», – отвечал он. «Эрастом, – сказала тихонько Лиза, – Эрастом!» Она раз пять повторила сие имя, как будто бы стараясь затвердить его. Эраст простился с ними до свидания и пошел. Лиза провожала его глазами, а мать сидела в задумчивости и, взяв за руку дочь свою, сказала ей: «Ах, Лиза! Как он хорош и добр! Если бы жених твой был таков!» Все Лизино сердце затрепетало. «Матушка! Матушка! Как этому стать? Он барин, а между крестьянами...» – Лиза не договорила речи своей.

Теперь читатель должен знать, что сей молодой человек, сей Эраст был довольно богатый дворянин, с изрядным разумом и добрым сердцем, добрым от природы, но слабым и ветреным. Он вел рассеянную жизнь, думал только о своем удовольствии, искал его в светских забавах, но часто не находил, скучал и жаловался на судьбу свою. Красота Лизы при первой встрече сделала впечатление в его сердце. Он читывал романы, идиллии, имел довольно живое воображение и часто переселялся мысленно в те времена (бывшие или не бывшие), в которые, если верить стихотворцам, все люди беспечно гуляли по лугам, купались в чистых источниках, целовались, как горлицы, отдыхали под розами и миртами и в счастливой праздности все дни свои проводжали. Ему казалось, что он нашел в Лизе то, чего сердце его давно искало. «Натура призывает меня в свои объятия, к чистым своим радостям», – думал он и решился – по крайней мере на время – оставить большой свет.

Обратимся к Лизе. Наступила ночь. Мать благословила дочь свою и пожелала ей кроткого сна, но на сей раз желание ее не исполнилось: Лиза спала очень худо.

Новый гость души ее, образ Эрастов, столь живо ей представлялся, что она почти всякую минуту просыпалась, просыпалась и вздыхала. Еще до восхождения солнечного Лиза встала, сошла на берег Москвы-реки, села на траве и, подгорюнившись, смотрела на белые туманы, которые волновались в воздухе и, подымаясь вверх, оставляли блестящие капли на зеленом покрове природы. Везде царствовала тишина. Но скоро восходящее светило дня пробудило все творение: рощи, кусточки оживились, птички вспорхнули и запели, цветы подняли свои головки, чтобы напиться животворными лучами света. Но Лиза все еще сидела подгорюнившись. Ах, Лиза, Лиза! Что с тобою сделалось? До сего времени, просыпаясь вместе с птичками, ты вместе с ними веселилась утром, и чистая, радостная душа светилась в глазах твоих, подобно как солнце светится в каплях росы небесной; но теперь ты задумчива, и общая радость природы чужда твоему сердцу. Между тем молодой пастух по берегу реки гнал стадо, играя на свирели. Лиза устремила на него взор свой и думала: «Если бы тот, кто занимает теперь мысли мои, рожден был простым крестьянином, пастухом, и если бы он теперь мимо меня гнал стадо свое, ах! я поклонилась бы ему с улыбкою и сказала бы приветливо: «Здравствуй, любезный пастушок! Куда гонишь ты стадо свое? И здесь растет зеленая трава для овец твоих, и здесь алеют цветы, из которых можно сплести венок для шляпы твоей». Он взглянул бы на меня с видом ласковым, взял бы, может быть, руку мою... Мечта!» Пастух, играя на свирели, прошел мимо и с пестрым стадом своим скрылся за ближним холмом.

Вдруг Лиза услышала шум весел, взглянула на реку и увидела лодку, а в лодке – Эраста.

Все жилки в ней забились, и, конечно, не от страха. Она встала, хотела идти, но не могла. Эраст выскочил на берег, подошел к Лизе – и мечта ее отчасти исполнилась, ибо он взглянул на нее с видом ласковым, взял ее за руку... А Лиза, Лиза стояла с потупленным взором, с огненными щеками, с трепещущим сердцем – не могла отнять у него руки, не могла отворотиться, когда он приблизился к ней с розовыми губами своими... Ах! Он поцеловал ее, поцеловал с таким жаром, что вся вселенная показалась ей в огне горящую! «Милая Лиза! – сказал Эраст. – Милая Лиза! Я люблю тебя!» – и сии слова отозвались во глубине души ее, как небесная, восхитительная музыка; она едва смела верить ушам

СВОИМ, И...

Но я бросаю кисть. Скажу только, что в сию минуту восторга исчезла Лизина робость – Эраст узнал, что он любим, любим страстно новым, чистым, открытым сердцем.

Они сидели на траве, и так, что между ими оставалось не много места, смотрели друг другу в глаза, говорили друг другу: «Люби меня!» – и два часа показались им мигом. Наконец Лиза вспомнила, что мать ее может об ней беспокоиться. Надлежало расстаться. «Ах, Эраст! – сказала она. – Всегда ли ты будешь любить меня?» – «Всегда, милая Лиза, всегда!» – отвечал он. «И ты можешь мне дать в этом клятву?» – «Могу, любезная Лиза, могу!» – «Нет! Мне не надобно клятвы. Я верю тебе, Эраст, верю. Ужели ты обманешь бедную Лизу? Ведь этому нельзя быть?» – «Нельзя, нельзя, милая Лиза!» – «Как я счастлива, и как обрадуется матушка, когда узнает, что ты меня любишь!» – «Ах нет, Лиза! Ей не надобно ничего сказывать». – «Для чего же?» – «Старые люди бывают подозрительны. Она вообразит себе что-нибудь худое». – «Нельзя статься». – «Однако ж прошу тебя не говорить ей об этом ни слова». – «Хорошо, надобно тебя послушаться, хотя мне и не хотелось бы ничего таить от нее».

Они простились, поцеловались в последний раз и обещались всякий день ввечеру видеться или на берегу реки, или в березовой роще, или где-нибудь близ Лизиной хижины, только верно, непременно видеться. Лиза пошла, но глаза ее сто раз обращались на Эраста, который все еще стоял на берегу и смотрел вслед за нею.

Лиза возвратилась в хижину свою совсем не в таком расположении, в каком из нее вышла. На лице и во всех ее движениях обнаруживалась сердечная радость. «Он меня любит!» – думала она и восхищалась сею мыслию. «Ах, матушка! – сказала Лиза матери своей, которая лишь только проснулась. – Ах, матушка! Какое прекрасное утро! Как все весело в поле! Никогда жаворонки так хорошо не певали, никогда солнце так светло не сияло, никогда цветы так приятно не пахли!» Старушка, подпираясь клюкою, вышла на луг, чтобы насладиться утром, которое Лиза такими прелестными красками описывала. Оно в самом деле показалось ей отменно приятным; любезная дочь весельем своим развеселяла для нее всю натуру. «Ах, Лиза! – говорила она. – Как все хорошо у Господа Бога! Шестой десяток доживаю на свете, а все еще не могу наглядеться на дела Господни, не могу наглядеться на чистое небо, похожее на высокий шатер, и на землю, которая всякий год новою травою и новыми цветами покрывается.

Надобно, чтобы Царь Небесный очень любил человека, когда Он так хорошо убрал для него здешний свет. Ах, Лиза! Кто бы захотел умереть, если бы иногда не было нам горя?.. Видно, так надобно. Может быть, мы забыли бы душу свою, если бы из глаз наших никогда слезы не капали». А Лиза думала: «Ах! Я скорее забуду душу свою, нежели милого моего друга!»

После сего Эраст и Лиза, боясь не сдержать слова своего, всякий вечер виделись (тогда, как Лизина мать ложилась спать) или на берегу реки, или в березовой роще, но всего чаще под тению столетних дубов (саженях в осьмидесяти от хижины) – дубов, осеняющих глубокий чистый пруд, еще в древние времена ископанный. Там часто тихая луна, сквозь зеленые ветви, посребряла лучами своими светлые Лизины волосы, которыми играли зефиры и рука милого друга; часто лучи сии освещали в глазах нежной Лизы блестящую слезу любви, осушаемую всегда Эрастовым поцелуем. Они обнимались – но целомудренная, стыдливая Цинтия не скрывалась от них за облако: чисты и непорочны были их объятия. «Когда ты, – говорила Лиза Эрасту, – когда ты скажешь мне: «Люблю тебя, друг мой!», когда прижмешь меня к своему сердцу и взглянешь на меня умильными своими глазами, ах! тогда бывает мне так хорошо, так хорошо, что я себя забываю, забываю все, кроме Эраста. Чудно?! Чудно?, мой друг, что я, не зная тебя, могла жить спокойно и весело! Теперь мне это непонятно, теперь думаю, что без тебя жизнь не жизнь, а грусть и скука. Без глаз твоих темен светлый месяц; без твоего голоса скучен соловей поющий; без твоего дыхания ветерок мне неприятен». Эраст восхищался своей пастушкой – так называл Лизу – и, видя, сколь она любит его, казался сам себе любезнее. Все блестящие забавы большого света представлялись ему ничтожными в сравнении с теми удовольствиями, которыми страстная дружба

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/nikolay-karamzin/bednaya-liza-sbornik-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)